

Т.В. Смирнова

О записке графа Ю.А. Олсуфьева

Автор публикуемой записки об устройстве отдела искусства XVI в.¹ граф Юрий Александрович Олсуфьев (1878–1938, расстрелян). Олсуфьев известен как выдающийся специалист в области древнерусского искусства, тонко его чувствующий². Но вместе с тем он был и прекрасным организатором, и хозяином в лучшем смысле этого слова. Сочетание таких качеств в одном человеке встречается нечасто. Можно привести немало свидетельств этой, второй, стороны натуры графа, но, пожалуй, из текста записки она вырисовывается особенно ярко. Написана записка в конце 1924 г., когда Ю.А. Олсуфьев был штатным сотрудником Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры – экспертом по древнерусскому искусству.

Комиссия была образована осенью 1918 г. Олсуфьев стал ее членом с первого дня и был выбран заместителем председателя³, а в сентябре 1919-го – председателем. Однако в разгар деятельности Комиссии (в начале 1920 г.) было принято решение расформировать ее. Инициатором перемен стал Н.М. Щекотов, член Отдела по делам музеев Наркомпроса. После проверки того, как идут дела по созданию музея в Лавре, он заявил, что «в смысле музейного строительства не сделано ничего»⁴.

Это заявление оказалось на руку властям. Тут же была создана Межведомственная комиссия по разрешению вопросов, связанных с ликвидацией Лавры как монастыря. Созыв ее Наркомат юстиции поручил священнику-расстриге М.В. Галкину, выступавшему в печати со статьями антирелигиозного характера под псевдонимом М. Горев. Он ее и возглавил. Галкин был обеспокоен тем, что музей будет способствовать поддержанию «религиозных суеверий и предрассудков». Его горячо поддержали члены вновь образованной комиссии: представитель Сергиевского исполкома О.Ф. Ванханен и представитель ВЧК Г.Я. Розенталь. Последний выразился так: «Я

утверждаю, что Троице-Сергиева лавра – это гнойник на теле Советской России, который необходимо, так или иначе отсечь». Негодование вызвало и использование монахов в качестве сторожей, хотя Отдел по делам музеев считал, что никого лучше их не найти. Член Комиссии представитель местного райкома партии М.Т. Смирнов сказал: «Я скорее готов совершенно закрыть Лавру, чем примириться с необходимостью держать в ней монахов в качестве сторожей». А Галкин выразил мнение, что в Лавре «сосредоточился ряд классовых врагов пролетариата». В числе «врагов» был назван и граф Олсуфьев. В новом составе Комиссии по охране памятников Лавры Галкин хотел видеть одних только коммунистов⁵. Тут Щекотов заявил, что «в Комиссии все же необходимо оставить хотя бы одного человека для преемственной связи». И член Межведомственной комиссии Смирнов предложил оставить П.А. Флоренского и М.В. Шика, говоря, что они «вполне лояльны, заняты только наукой». Остальные согласились, записав в резолюции заседания 27 января 1920 г. решение «комиссию раскассировать, удалив от какого-либо участия в ней бывшего графа Олсуфьева», а также С.П. Мансурова, (его ошибочно считали князем) и Т.В. Розанову (машинистку)⁶.

Решение кажется странным: так беспокоились о распространении религиозных предрассудков, а согласились оставить в Комиссии священника. Предложение Н.М. Щекотова можно объяснить его желанием самому стать председателем Комиссии, что несколько позднее и произошло. Что касается лиц, поддержавших это предложение, тут можно предположить их желание завладеть еще оставшимся в то время имуществом Лавры. На заседаниях Межведомственной комиссии речь шла о запасах кровельного железа, проволоки, гвоздей, электрического провода, керосина... Председателя местного исполкома особенно волновал склад двухдюймовых досок⁷. И, конечно, местные власти отмечали громадное препятствие к использованию этого хозяйства со стороны Комиссии по охране памятников Лавры. И о. Павел Флоренский, и М.В.Шик в отличие от Олсуфьева не были деловыми людьми. А вот об Олсуфьеве в ноябре 1919 г. историк Ю.А. Готье, часто бывавший в то

время в Лавре, сделал такую запись: «Очень характерно, что за всеми распоряжениями идут к Олсуфьеву: я сам был свидетелем, как его спрашивали, что делать с церковным вином, когда отпирать Успенский собор и т.п. Он произвел на меня впечатление истинного наместника Лавры»⁸.

Граф несомненно приобрел опыт хозяина, когда более десяти лет жил в своей усадьбе Буйцы Тульской губернии, где завел образцовое помещичье хозяйство. Навыки организатора он приобрел и, будучи главой Строительного комитета по возведению храма во имя Сергия Радонежского на Куликовом поле. А во время Первой мировой войны Олсуфьев находился на Кавказском фронте в качестве уполномоченного Всероссийского земского союза, организовывал помощь раненым⁹. Возможно, что хозяйский подход к жизни был заложен в нем и генетически. Вот он приехал в Сергиев Посад в 1917 г., «под покров Преподобного». Сразу же купил дом, да не просто дом, а настоящую городскую усадьбу со всем необходимым хозяйством: садом, погребом, баней, сараями. Завел корову и лошадь¹⁰. В 1921 г. организовал сельскохозяйственную артель. Об этом писала Н.Д. Шик-Шаховская: «Под влиянием голода предшествовавших лет и по инстинктивному тяготению к "земле" мы взялись за обработку участка земли. Основными членами маленькой артели были семьи Олсуфьевых, Мансуровых и наша. Главным нашим хозяйственным ресурсом была неутомимая энергия Ю.Ал. и собственные наши руки. Нам отвели нераспаханный участок плохой глинистой почвы. Землю под картошку после вспашки, которая только подняла дерн, разбивали лопатами. <...> Староста нашей маленькой артели постоянно кипел хозяйственным азартом, заражая им моего мужа»¹¹.

В комиссии Олсуфьев занимался приемкой икон и других ценностей Лавры – эту работу он вел вместе с о. Павлом Флоренским. Написал ряд статей. Но ему поручали и другие, самые разнообразные дела. Да он и сам на каждом заседании Комиссии поднимал разные административно-хозяйственные вопросы: возврат древних рукописей, взятых различными учреждениями, охрана Лавры, телефон, сигнализация, отопление, выбор места для канцелярии,

кирпич для реставрации, запись колокольных звонов Лавры, сохранение архива архиепископа Никона, сокращение штатов, застекление расчищенных икон Троицкого собора, создание запаса дров и многое другое¹².

Эта бурная деятельность оборвалась в марте 1920 г.: и Олсуфьев, и Флоренский, и Шик были вынуждены уйти из Комиссии. Но в августе того же года Отдел по делам музеев просил Олсуфьева и Флоренского вернуться в качестве нештатных сотрудников-экспертов. Олсуфьев согласился на предложенную работу. Однако участия в заседаниях Комиссии он больше принимать не мог.

Он продолжил составление описей икон и церковного серебра по договорам. Его также продолжали привлекать и к другим работам: к отбору вещей из церкви Дом ребенка, к устройству выставки «Древнерусская книга» (1921 г.), для которой он провел экспертизу книг и сделал их описание. Выставка «Искусство XIV и XV вв. (1924) была создана непосредственно им, им же написан и каталог ее¹³. Эта выставка прошла с большим успехом. Но попытки ввести Олсуфьева в штат долго не удавались. Несмотря на это, в конце 1924 г. ему поручили создать отдел искусства XVI в. Требовалось обустроить помещение, и Ю.А. Олсуфьев пришел на заседание Комиссии и обратился с просьбой поручить архитектору составить проект переделок и смету, а также, увидев возле кузницы несколько щитов из толстого котельного железа и три железных двери, тут же предложил их приобрести для устройства ставен и дверей нового отдела¹⁴. Тогда и была написана им публикуемая здесь записка. Со свойственной Ю.А. Олсуфьеву практичностью он приводит в ней сведения, где взять недостающие плиты для ремонта пола, во что обойдется устройство каждой ставни и т.п.

Чувствуется, что подобная хозяйственная деятельность являлась неотъемлемой частью его натуры. И «отлучение» от повседневной работы Комиссии, вероятно, было для него болезненно. Об этом, на мой взгляд, свидетельствует и то, что именно в начале этого периода (1921–1922 гг.) он стал писать воспоминания о жизни в своей усадьбе Буйцы¹⁵. Ведь человек

уходит мыслями в прошлое, светлое прошлое, когда в настоящем ему особенно плохо.

Из записки Олсуфьева видно и то, что он прекрасно понимал важность открытия музея для народа, а не только для ученых занятий специалистов. Так что слова Щекотова о том, что ничего не сделано для музейного строительства, в которых слышится: ничего не хотели сделать для создания музея, беспочвенны. Приступить к созданию музея нельзя было без учета ценностей Лавры, и, не имея средств. От государства в то время деньги на создание музея не поступали. А вот как только удалось получить средства от «ликвидации предметов, не имеющих художественного значения»¹⁶, так тут же была открыта выставка искусства XIV–XV веков. Так, через устройство отдельных выставок, и создавался музей.

Ю.А. Олсуфьеву, чтобы избежать ареста, пришлось в 1928 г. уехать из Сергиева Посада. По словам работавшего с ним в Центральных реставрационных мастерских В.С. Попова, «Олсуфьев избегал многолюдства и упоминания в официальных документах его слишком запоминающейся фамилии»¹⁷. Он хорошо понимал, что надо держаться как можно незаметнее. Но вот, работая уже в ГТГ, он узнал от Попова, что в Коломенском краеведческом музее древняя икона используется в качестве доски, которой закрывают незастекленную бойницу. Тут же Олсуфьев проявил максимум энергии, чтобы ее спасти. Этой иконой оказалась икона Бориса и Глеба с житием начала XIV в¹⁸. Такой подход к жизни был у него в крови.

А.И. Солженицын писал: «У нас описаны то лишние люди, то рыхлые неприспособленные мечтатели. По русской литературе XIX века нельзя понять, на ком же Русь простояла десять столетий, кем же держалась». Хочется ответить: вот на таких людях, как Олсуфьев, и держалась.

² Часть работ Олсуфьева по иконописи см.: Ю.А.Олсуфьев, граф. Икона в музейном фонде: исследования и реставрация. М., 2006

³ Архив СПМЗ. Д. 1/1. Л. 1–2 об.

⁴ Цит. документы, приведенные в книге: Андроник (Трубачев), игумен. Закрытие Троице-Сергиевой лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. М., 2008. С. 38.

⁵ Там же. С. 41–42, 53, 61, 68.

⁶ Там же. С. 69, 71.

⁷ Там же. С. 58–59.

⁸ Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1992, № 11–12. С. 133.

⁹ Вздорнов Г.И. Юрий Александрович Олсуфьев // Вопросы искусствоведения. 1993, № 4. С. 307–308.

¹⁰ Комаровская А.В. Детство в Сергиевом Посаде // Юрий Александрович Олсуфьев. Икона в музейном фонде. М., 2006. С. 345.

¹¹ Шик Н.Д. Мои встречи с С.П. Мансуровым. Рукопись.

¹² Смирнова Т.В. Ю.А.Олсуфьев: материалы к биографии // Труды ГИМ. М., 2006. Вып. 158. С. 330.

¹³ Архив СПМЗ. Д. 1/26. Л. 37; Д. 1/46. Л.9.

¹⁴ Там же. Д. 1/46. Л. 34 об., 36; Д. 1/66. Л. 35.

¹⁵ Юрий Александрович Олсуфьев. Из недавнего прошлого одной усадьбы. Буецкий дом, каким мы оставили его 5-го марта 1917 года. М., 2009.

¹⁶ Приходится иногда слышать мнение, что получать средства за счет продажи части фондов недопустимо. Олсуфьев со свойственной ему практичностью утверждает обратное.

¹⁷ В.С.Попов. Ю.А.Олсуфьев, каким я знал его полвека тому назад // Юрий Александрович Олсуфьев, Из недавнего прошлого одной усадьбы... С. 290.

¹⁸ Антонова В.Н., Мнева Н.Е. Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи. М., 1963. Т. 1. С. 244.

Опубл.: Энтелехия (Кострома). 2008. № 18. С. 139–141.